

A woman with light brown hair, looking directly at the camera with a serious expression. She is wearing a dark, heavy coat over a grey t-shirt. She stands in the center of a long, narrow hallway with stone walls and wooden doors. The hallway is dimly lit, with light coming from a few fixtures further down the corridor. Her hands are clasped in front of her.

Елизавета Смирнова

Книга первая.
Сашенька...

18+

Елизавета Смирнова

Книга первая. Сашенька...

<https://litres.ru/74688973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга о том, как обрести свободу, оказавшись в самом несвободном месте на земле.

Старые коридоры помнят не только шаги надзирателей, но и шёпот тех, кто отказывался исчезнуть. Лиза слышит это эхо: в каменных сводах, в тишине между шагами конвоя, в жесте, которым передают сигарету сквозь решётку. Она понимает: даже если человека вычеркнут из списков, его голос может остаться — в памяти других, в выученной наизусть строчке, в сцене, где зечка на минуту перестаёт быть номером.

История о том, как достоинство рождается из малого: из одного резкого «стоп», из одной написанной строки, из одного взгляда, который не опускает глаза.

Елизавета Смирнова

Книга первая. Сашенька...

«Это книга о том, как обрести свободу, оказавшись в самом несвободном месте на земле»

«Щелчок»

— Стройтесь! Что плетётесь, как пленные румыны в сорок третьем! Шевелитесь! — голос Михалны резанул сырость, привычный, без злобы, будто просто держал этот день от распада.

Ветер тёр по коже, как наждачная бумага, не давая ни секунды передышки: пробирался под воротники, шевелил края платков, заставлял втягивать головы в плечи. По периметру двора зечки стояли сплошной усталой линией — не строем, а живой изгородью из согнутых спин и опущенных глаз. Они держались так близко друг к другу не ради дисциплины — просто рядом было чуть теплее, чуть тише.

А в центре, ровно посреди этого серого прямоугольника, стоял Сашенька. В левой руке — пачка карточек, потрёпанных, с загнутыми уголками. Надзиратель читал фамилии, и по двору тут же прокатывалось гулкое эхо — женщины выкрикивали свои имена так, будто вбивали в воздух своё право быть учтёнными:

— Латышева!

— Александра Николаевна! — голос прозвучал твёрдо,

хоть и с хрипотцой, будто каждое слово приходилось выталикивать сквозь холод.

— Цой!

— Баина Геннадьевна! — чуть резче, будто хотела, чтобы этот звук не утонул в ветре.

Сашенька спокойно укладывал карточки вниз стопки. Без спешки, без лишних движений — будто сам этот ритм переключивания не давал дню рассыпаться.

Света и Лиза стояли рядом. Света, будто между делом, тихо бросила:

— Опять он этот пистолетик крутит. Видела? В пальцах вертит, будто без него стоять не может.

Лиза чуть наклонила голову, всматриваясь сквозь морось:

— Говорят, от родителей остался. Единственная вещь, что не отобрали.

— Ну да, — хмыкнула Света. — А ещё болтают, будто он из тех румын, что тут в войну сидели. Потомок, мол.

— Ага, — кивнула Лиза, без особого интереса, но всё же понизив голос. — И будто он сорок лет кого-то из своих ищет. По фамилиям, по спискам... Только ничего не находит.

— Да уж, — протянула Света. — С такой памятью только и держаться за деревяшку.

Они замолчали, и тишина легла поверх ветра, поверх карканья, поверх тонкого звона колючей проволоки. Не жалость — просто привычная сплетня, которую шепчут, потому что

она хоть как-то заполняет этот серый день.

Над тополями вороны сидели неподвижно, будто отлитые из чугуна. Проволока тонко звенела на ветру. Дождь не лил — висел в воздухе ледяной пылью, оседая на плечах, на карточках, на ресницах.

Михална прошла вдоль строя, чеканя шаг, бросила ещё одну привычную фразу — не для обиды, а чтобы скрепы не разошлись. Потом резко развернулась и ушла в дежурную будку. На секунду стало тише — только ветер теребил проволоку, только вороны ждали своего момента.

А потом она выбежала обратно, и голос её уже звенел не от привычки, а от напряжения:

— Сашенька! Держи! Ответ пришёл. Нашли. Сестра. В Ростове. Пишет!

Она протянула конверт.

Он замер. Сначала на письмо, потом на Михалну, потом поверх ограды — туда, где небо сливалось с лесом, где столько лет жила его тихая надежда. Лицо дрогнуло — не от боли, а от того, что надежда, которую столько лет держали на расстоянии, вдруг ударила в упор — слишком сильно, слишком поздно.

Он потянулся к письму, схватил его жадно, будто хватал воздух, которого не хватало. И пальцы сами метнулись к карману — туда, где всегда лежала маленькая деревяшка. На секунду он будто хотел убедиться: я всё ещё я.

Рука жала письмо. Другая, нырнув в карман, до побеле-

ния костяшек вцепилась в деревянный пистолетик. Он сделал вдох — и не смог выдохнуть. Рука потянулась к груди, пальцы вцепились в ткань. А потом ноги перестали держать.

И он упал. Прямо в центре двора, где должен был держать порядок, где должен был просто перекладывать карточки, чтобы день не рассыпался. Не рухнул, не осел — а просто перестал стоять, будто кто-то выдернул из-под него опору.

Ветер рванул сильнее, швырнув в лица последние капли дождя. На тополях вороны сорвались с ветвей, закружились чёрными вихрями, перекрывая небо. Где-то у старой часовни загудел колокол — глухо, будто сквозь вату. Провода на столбах загудели в такт ветру, и этот гул слился с запоздалым криком Михалны, который уже ничего не мог изменить.

Зечки по периметру стояли, втянув головы, не шевелясь. Света выдохнула, почти не веря:

— Ничего себе... Значит, правда. То про поиски, про сестру... Как в кино.

Лиза не ответила. Просто чуть крепче придвинулась плечом — не чтобы согреться, а будто хотела удержать рядом хоть каплю того, что только что случилось.

Дождь продолжал сеяться. Листья с тополей падали медленно, как пепел. А деревянный пистолетик остался лежать на мокром бетоне — крошечный, нелепый, одинокий. И ветер гнал по двору серую пыль, накрывая его, будто пытаясь спрятать.

«Лиза смотрела, как он падает, и внутри у неё что-то

щёлкнуло, как сломанный замок, который вдруг перестал держать тяжесть. Хватит. С ней так не будет»

«Лишняя пуговица»

Между бараками сбились в кучку — тут хоть ветер не так рвёт лицо. Напротив дорога, за ней ворота. Сейчас приоткрыты: сквозь них видно кусок плаца, угол столовой, эту вечную серость. Из столовой тянет щами и мокрой тканью — запах, который въедается и делает день тяжелее, потому что он всегда один и тот же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.